

«МЕЧТАЮ О РОЛИ КОММУНИСТА»

Артист Новгородского областного театра драмы Вячеслав Григорьевич Кривошеев новый сезон начинает в звании заслуженного артиста РСФСР, присвоенном ему два с половиной месяца назад. Вот что говорит о своем творческом пути, о работе на сцене, о роли театра в современной жизни В. Г. КРИВОШЕЕВ:

— Октябрь для меня — месяц совпадений. Как раз 9 октября 1972 года, в свой очередной день рождения, я был принят в труппу Новгородского областного театра драмы. На днях мне исполнилось 53 года — совпадение опять: в 1953 году я закончил (даже с отличием) училище имени М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре в Москве. Работал года три в Малом театре, еще студентом. Последипломного стажа вот уже «тридцать лет и три года» набирается — как в известной былинке.

Начинал в Хабаровском краевом театре, был там отличным главреж Сергей Александрович Бенкендорф. После — в театрах Орджоникидзе, Омска, Мурманска. В молодости часто играл так называемых «салонных героев». В Новгородском театре оказалось больше молодежи, да и сам я стал старше. Репертуар пошел иной. В «Ретро», например, довелось сыграть 72-летнего Чмутина. На одной из зрительских конференций две женщины поспорили. Одна говорит: «Как вам удалось создать копию характера моего отца?» А другая ей: «Не знаю, как насчет вашего отца, но мой —

получился точно!» Я им ответил: видел таких людей в жизни...

Личный опыт — колоссальная сила. Он помогает актеру создавать достоверный образ. Конечно, есть режиссер, но он не станет учить тебя каждой интонации, каждому малейшему жесту: «На этой фразе поверните голову влево, после этой реплики сделайте полшага вперед». Знал я и таких режиссеров. Как бы то ни было, если роль не пропущена через твое сердце, через ум — этого никакой режиссер не даст. Самое лучшее, когда ты сам идешь верным путем, а постановщик помогает тебе в деталях, укрупняет, подчеркивает какие-то узловые моменты.

Признаюсь, я дружу с режиссерами. Доверяю им. Они — больше в материале, как мы говорим, то есть видят всю пьесу, весь спектакль, а не одну твою роль. А что до работы над ролью, то все мы, кто выпускался из училища у народной артистки СССР Веры Николаевны Пашенной, научены работать самостоятельно.

Учила она нас и тому, что зритель должен слышать, видеть и понимать актера. Зри-

тель, который спрашивает соседей: «Что он сказал?», отлекается, утрачивает нить действия, раздражается, а то и уходит из зала. Слово — оружие артиста. Я никогда не верил в бытовавший одно время «шептательный реализм», когда на сцене говорили вполголоса, как у себя дома, отворачивались от зала и т. п. Я — за традиционную театральность, что помогает каждому в зале приобщиться к действию, сопереживать, волноваться. Без такого контакта немислим спектакль.

В нашей работе бывает разное. Однажды во время представления «Олеко Дундича», не дождавись финала, на сцену поднялась девочка лет семи с огромным букетом белых тюльпанов (дело происходило на Дальнем Востоке в мае, когда цветов найти почти невозможно). Догадываюсь произнести убранные постановщиком подходящие слова из пьесы — к счастью, я их знал. Юнаки, по сценарию,

поднимают меня — Дундича, а я — не по сценарию — уволю со сцены за ручку ту девочку.

Трогательный и памятный случай. Бывают и смешные истории, но они не запоминаются надолго. Видно, такой у меня склад характера. И

В. Г. КРИВОШЕЕВ

комедийных ролей играю мало. За последние лет десять, кажется, всего одна была —

Мити Вислухина в комедии «Любовь и голуби». Но все, что проделывает Митя, не только смешно: неладно мы относимся друг к другу, надо быть добрее, внимательнее — в этом суть комедии и моей роли, как я ее понимаю.

Только за последние четыре года мне довелось сыграть 19 ролей. Двадцатой будет архиепископ Спиридон в «Александр Невском». Был Змеем-Горынычем и французом Клодом, старцем Варлаамом и сержантом...

А всего в Новгороде за одиннадцать лет работы здесь сыграно 54 роли.

Из новгородских ролей памяты Телятьев в «Бешеных деньгах» (эту пьесу сыграли около двухсот раз), Фастос в «Интервью в Буэнос-Айресе». В Федоре Анчугине в «Провинциальных анекдотах» Вампилова я пытался подчеркнуть, насколько страшное это зло — пьянство.

С удовлетворением, самоотдачей играл политрука в спектакле «В списках не значился». Мне вообще часто поручают роли комиссаров, командиров, старых большевиков. Калина Иванович в «Доме» — человек-символ, олицетворенная партийная совесть: счастье перевоплотиться в такого героя. Дед Нечаев в спектакле «Не был... не состоялся... не участвовал...» тоже задел меня за живое. Полностью без колебаний принимаю их поступки, слова, мысли,

как свои собственные. Будь иное отношение, я на сцене произносил бы слова, не идущие от всего сердца. А я так не могу.

Люблю все наше советское, народное, русское. И стараюсь выразить это свое отношение. Другой позиции не знаю. Десять классов я кончал в Ульяновске, в школе, где учился Володя Ульянов — великий Ленин (тогда эта школа еще не была музеем). В таком же духе воспитывали меня и отец — коммунист, и великая своей гражданственностью актриса Вера Николаевна Пашенная: когда ей было уже, кажется, за пятьдесят, она вступила в партию. В Хабаровске директором театра работала Зинаида Владимировна Герасимова, в прошлом 35-тысячница, одна из строительниц Комсомольска-на-Амуре, настоящий коммунист. Жила она очень скромно, из дому то одно, то другое носила в театр, а не наоборот. Чем не параллель для образа Калины Ивановича?

Везло мне на таких людей — членов партии, беспредельно преданных Родине, своему делу. Мечтаю о крупной роли коммуниста. Правда, нет такой роли пока. А просить я не умею. Режиссеры сами «нагружают» Кривошеева. Наверное, потому, что работать привык...

Актер — человек творческий и, естественно, самолюбивый. Но каждому из нас, как ни трудно, надо понимать свое место, трезво оценивать свои возможности, саму свою природу. Читая и слыша комплименты и похвалы спектаклям, товарищам по сцене, я радуюсь: все это укрепляет доброе имя театра, увеличивает нашу славу, создает авторитет. А как же иначе? Только такое отношение нравственно спасает тебя как артиста и как человека. Главное — служение искусству, театру. Если уж и тратить нервы, гореть — то на сцене, а не в кулуарах.

Присвоение мне звания заслуженного артиста республики считаю признанием высокой роли нашей театральной службы, проявлением внимания к ней и доверия. Артист — работник идеологического фронта, с колоссальной ответственностью за ход идеологической борьбы, борьбы за мир на земле. Ответственность эта, говорил товарищ Ю. В. Андропов, увеличивается потому, что по мере роста культурного уровня народа усиливается воздействие искусства на умы. Сознание этой ответственности должно быть определяющим всю нашу деятельность.

Радостно, что нашлось много тех, кто меня искренне поздравил. Желание одно: делать все, что в силах, для искусства, для нашего театра.

Записал Г. НАРЫШКИН.